

М. А. Шепелев

ФЕНОМЕН ЭРИКА ЗЕММУРА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Рассматриваются особенности мировоззрения и политических взглядов кандидата в президенты Франции Эрика Земмура – крайне правого националиста, популярность которого стала главным политическим сюрпризом избирательной кампании 2022 г. Раскрывается отношение Земмура к ключевым проблемам исторической политики и современной французской политической повестки дня – таким как кризис идентичности, тотальный нигилизм, феминизация политики, его отношение к Германии, США, НАТО, ЕС, России, а также его взгляды по украинскому вопросу.

93

The article examines the peculiarities of the worldview and political views of French presidential candidate Eric Zemmour, an extreme right-wing nationalist whose popularity came as the main political surprise of the 2022 election campaign. The article reveals Zemmour's attitude towards the key issues of historical politics and the current French political agenda, such as identity crisis, total nihilism, feminization of politics, his attitude towards Germany, the USA, NATO, the EU, Russia and his views on the Ukrainian issue.

Ключевые слова: президентские выборы 2022 г. во Франции, Эрик Земмур, Франция, Европа, национал-консерватизм, голлизм

Keywords: French presidential election 2022, Eric Zemmour, France, Europe, national conservatism, Gaullism

Когда эта статья выйдет в печать, наверняка итоги президентских выборов во Франции будут уже известны. Но независимо от своих конкретных результатов избирательная кампания 2022 г. уже стала знакомым явлением не только французской, но и европейской политики. Во многом она обязана этим 63-летнему Эрику Земмуру – политическому журналисту, давно сотрудничающему с «Le Figaro», автору ряда публицистических книг на острые политические и исторические темы. Этот крайне правый националист, даже более радикальный, чем Марин Ле Пен, позиционирующий себя как приверженец классического голлизма XX в., но на самом деле скорее сторонник идей Шарля Морраса конца XIX в., буквально ворвался в «высшую лигу» французской политики. Получив впервые 5,5 % голосов 9 июня 2021 г. по опросу Ifop, он стремительно поднялся до 17 % в опросе Harris Interactive, представленном 6 октября, что позволило говорить о его способности выйти во второй тур, опередив Марин Ле Пен. В дальнейшем в ходе кампании разные социологические службы давали ему от 12 до 17 % голосов избирателей. Но интерес к феномену Земмура, сторонники которого объединились в рядах движения «Реконквиста» (Reconquête), связан даже не столько с его политическим успехом, сколько с отстаиваемыми им

идеями, едва ли не уникальными для современной Европы, но приобретающими все большую популярность во Франции. Раскрытие особенностей этого интеллектуального и политического феномена и является целью статьи, написанной на основе анализа текстов основных трудов Эрика Земмура [2–6].

Кто такой Эрик Земмур?

Эрик Земмур происходит из семьи еврейских переселенцев из бывшего французского Алжира, всегда идентифицировавших себя с Францией и французской культурой. Он говорит о своей семье: «Мы были французами с тех пор, как в 1870 г. декрет Кремье предоставил французское гражданство всем евреям Алжира» [2]. Рассказывая о своем детстве и юности, он пишет в одной из книг: «История Франции текла по моим венам, наполняла воздух, которым я дышал, формировала мои детские мечты; я никогда не думал, что буду последним поколением, которое вырастет таким». Несомненно, что это чувство потери родины — французского Алжира — повлияло на политические взгляды Земмура: ныне он поддерживает теорию о «великом замещении» французского населения иммигрантами как главной угрозе, стоящей перед нацией, и считает, например, что «назвать своего ребенка Мохаммедом — значит колонизировать Францию».

Земмур — несомненно, высокий интеллектуал и эрудит, обладающий широким панорамным и образным мышлением, свободно оперирующий в историческом пространстве и времени. Так, для него Франциск I — это «наш Кеннеди», а «Диана де Пуатье — его Мэрилин Монро». В Кеннеди он видит «первого президента эпохи имиджа» [2], за которым — лишь провалы типа инцидента в «заливе Свиней», взрывоопасный «ракетный кризис» и отправка войск во Вьетнам.

И он восхищается Никсоном — последним президентом США, продолжавшим линию «нового курса» Франклина Рузвельта. Его поражение и победу Кеннеди на президентских выборах 1960 г. Земмур прямо связывает с «мошеничеством мафии». В 1969 г. Никсон смог взять реванш и «мобилизовать молчаливое большинство против прогрессистов шестидесятых, глубинную Америку против молодой элиты восточного и западного побережья» [5]. Но затем был спровоцирован Уотергейт — реванш против Никсона, против белого мужчины, расиста и мачо, месть интеллигенции, студентов, феминисток, расовых меньшинств и массмедиа против всеобщего избирательного права. «Никсон был отстранен от власти, не проиграв выборы. Президент главной державы планеты, человек, который сумел вывести Америку из войны во Вьетнаме, инициировал великий разворот союзов с коммунистическим Китаем и вскоре остановит войну Йом-Кипур, рисковавшую перерасти в ядерный конфликт, а также человек, свергнувший Сальвадора Альенде в Чили одним щелчком пальцев, этот человек, олицетворяющий абсолютную власть, вынужден покорно вымаливать снисхождение у нескольких назначенных им судей. Это Людовик XVI на эшафоте. Десакрализация» [5].

Есть у Земмура и другие интересные параллели. Вольтер для него — это «грамотный де Фюнес, де Фюнес в величии; де Фюнес в халате и парике, увенчанном патриаршей шапочкой», а Жан-Жак Руссо — «наша первая рок-звезда». По его словам, «каждой рок-звезде нужен знаковый соперник, систематический оппонент: у Beatles были Rolling Stones, у Руссо — Вольтер» [2]. При всей экстравагантности такого сравнения Земмур обращает внимание на схожесть исторических ситуаций: «Глобализация и нация, открытость и замкнутость, универсализм и национальные предпочтения, космополитизм и патриотизм, свободная торговля и протекционизм, Европа и национальный суверенитет, ксенофобия и ксенофилия — все эти темы, которые волнуют и разрывают нас сегодня, волновали и разрывали Вольтера и Руссо вчера. В тех же терминах, в тех же контекстах, что и нас» [2].

Земмур высоко оценивает политику Ришелье, победа которого, по его словам, «восстановила центральную роль Франции в Европе». Его «великую европейскую политику» блестяще продолжил Мазарини, заключив Вестфальский договор в 1648 г. Суть этой политики Земмур видит в том, чтобы «отвоевать Германию у Габсбургов». Он пишет: «"Объединить всё во Франции и разделить всё в Германии" — вот урок, который должен был преподавать каждый из наших дофинов и королей, чтобы дать Европе французский мир». Тогда Франция считала, что она навязала свою политическую, военную и культурную гегемонию, но, как отмечает Земмур, «французы выиграли сражение; они не знали, что проиграют войну» [2].

Франции как «Новому Риму потребовалось всего три года, чтобы найти свой Карфаген»: приняв в 1651 г. «Навигационный акт», Англия получила возможность господствовать на морях, и вскоре между Англией и Францией началась борьба за мировое господство. Как пишет Земмур, «Англия начала новую "Столетнюю войну" против Франции: семь войн с 1689 по 1815 год» [6].

Поворотным пунктом трагической судьбы Франции он считает 1763 г. — дату заключения «зловещего» Парижского договора, ставшую «похоронным звоном для мировых амбиций Франции». Попытка исторического реванша, предпринятая Наполеоном, оказалась безуспешной, но Земмур всегда преклонялся перед Наполеоном. Вспоминая свои детские годы, когда он увлекся исторической литературой, Земмур пишет: «Я оплакивал поражение Великой армии как смерть матери, а бегство императора — как высшее унижение отца» [2].

В дальнейшем Франция стала, как он считает, «послушной игрушкой своих англосаксонских союзников». В 1914 г. она служила преторианской гвардией британской имперской власти, которая была потеснена на мировых рынках промышленным, научным и торговым динамизмом Германии. Весь межвоенный период в его глазах — следствие поражения Клемансо от двух его союзников — американца Вильсона и англичанина Ллойд Джорджа.

Кстати, редким свидетельством весьма глубоких исторических познаний Земмура являются его слова о том, что «Сталин никогда не

представлял себе Германию коммунистической. Он был бы рад, чтобы она оставалась "буржуазной демократией" при условии, что она будет демилитаризована и станет нейтральной, как Австрия. Американцы упрямо отказывались, предпочитая разрезать Германию на две части и передать Пруссию русским, чем отдать бриллиант своего рейнского завоевания. Это был все тот же старый вопрос о Западе, о Лотарингии, за которую шла упорная борьба на протяжении тысячи лет и который не был решен со времен Верденского договора в 843 г., о Рейнской области и Северной Италии, которые были поставлены на карту в европейской и мировой геополитике с момента падения Римской империи». Земмур даже прямо говорит, что «если бы граница между Востоком и Западом проходила по Рейну, у советской империи, вероятно, было бы больше шансов на успех» [6].

Вопреки господствующим в современной исторической науке представлениям он не столько противопоставляет друг другу Петэна и де Голля, сколько видит в них обоих противников того мира, который был создан «маем 1968 года». Он не рассматривает вишистский режим изолированно от предыдущей и последующей фаз французской истории, утверждая, что «Виши до Виши» проявлялся в авторитарном повороте Третьей республики в конце 1930-х гг., а «Виши после Виши» — во время Освобождения и в 1958 г., когда вернулся генерал де Голль. По его мнению, «и Петэн, и де Голль стремились к синтезу между либеральным и социалистическим порядком, между правыми и левыми ценностями, между национальной и социальной реальностью. Между националистическим маррассизмом (идеи Шарля Моррасса. — *М. Ш.*) и христианским персонализмом» [2].

Устроенная после Освобождения Франции в 1944 г. чистка коллаборационистов выглядит в его глазах как «кровавый договор, который де Голль вынужден заключить с коммунистами, подобно тому, как Наполеон был вынужден казнить герцога Энгиенского, чтобы заручиться поддержкой якобинцев-рецидивистов накануне своей императорской коронации». Благодаря этому коммунисты, взяв под контроль школы, университеты и культуру, смогли сформировать мозги поколения, которое два десятилетия спустя назовет де Голля «фашистом» и «петэнистом» [2].

По мнению Земмура, и де Голль, и Петэн делали все возможное, чтобы сохранить место Франции в концерте великих держав, «прекрасно понимая, что делает другой», но они оба потерпели неудачу. «Они оба преследовали иллюзию: иллюзию власти для Петэна, иллюзию величия для де Голля». В представлении Земмура современная Франция была выкована совместно, вне идеологической ненависти и противостояния, Петэном и де Голлем, и затем разрушена новым поколением, отцами-покровителями которого они были — знаменитым поколением «бэби-бума», ставшим неблагодарным поколением 1968 г. Оно начало с оскорблений в адрес двух своих наставников, а «чтобы отбросить де Голля, который в то время находился у власти, левая молодежь приравнивала его к Петэну».

Согласно Земмуру, Франция, созданная в 1930–1950-е гг., была разрушена в культурном плане в 1968 г., а в экономическом — в 1983 г., в результате великого европейского и либерального поворота влево. С ним вернулось все то, что осуждалось и против чего боролись те «нонконформистские» элиты, которые в итоге построили современную Францию: экономический либерализм, партийная система, индивидуализм, интернационализм, пацифизм, подчинение Франции англосаксонскому союзнику (Америка заменила Англию), увлечение успехами Германии, освящение Европы во имя мира, господство финансов и презрение к промышленности, вплоть до смерти «французского качества», побежденного в театре, кино и телевидении бульварными, голливудскими постановками и примитивностью массовой пошлости.

Вместе с тем Земмур критически оценивает отказ де Голля поддерживать войну в Алжире в израильском стиле во имя своей «великой внешней политики». По его мнению, человек, олицетворявший честь и величие Франции с 18 июня 1940 г., променял исконные и мужественные ценности французской армии на прозаичность экономического развития и потребительский материализм. Через несколько лет он был наказан гедонистическим бунтом изнеженного и опекаемого поколения, которое он же избавил от ужасов войны, но которое отказалось «влюбиться в темпы роста», а привилегированные отношения с «африканскими клиентами» во имя «великой внешней политики» способствовали проникновению африканского населения на территорию бывшей метрополии. А затем Эвианские соглашения 1962 г. открыли двери Франции для алжирских арабов, которым генерал хотел запретить въезд, отказавшись для этого от Алжира. «В конце концов, они (арабы-мусульмане) одержали верх над Сустелем и де Голлем. Контробщество постепенно формирует контрнарод в рамках контрколонизации» [2].

Характер политических взглядов Земмура проявляется также в его восхищении «антифеминистом» и «антиисламистом» Ж.-Б. Боссюэ, крупнейшего католического мыслителя эпохи абсолютизма и Контрреформации. Для Земмура Боссюэ олицетворяет Церковь, сопротивляющуюся «протестантизации» католичества, не стыдясь нетерпимой жесткости своего прошлого или благодатности своих обрядов. Протестантизм — это лобовая атака на единство Царства и на Церковь. По мнению Земмура, «каждый раз, когда один из наших "провидцев", от Наполеона до де Голля, через Луи Наполеона Бонапарта или Клемансо, брал судьбу страны в руки, он возвращался к учению Боссюэ: концентрация и сакрализация власти» [2]. Публицист жалеет, что наша эпоха больше не понимает и не признает Боссюэ и освященный им социальный и идеологический антифеодальный союз между королем и буржуазией, между государством и третьим сословием, который создал Францию. Он констатирует, что «наша прогрессивная современность вновь открыла для себя устаревшие прелести феодализма, которые Боссюэ и его современники с облегчением и гордостью развеяли» [2].

Неожиданно резкой критике Земмур подвергает Виктора Гюго, обвиняя его в том, что он «выковал абсолютное оружие, оружие массового поражения: сострадание». Земмур сравнивает Гюго с Робеспьером: оба они преследуют одну цель — «создание возрожденного человечества», только «Неподкупный» пытался достичь ее с помощью гильотины, а гениальный поэт и писатель достиг с помощью любви. Его проповедь любви «ко всем убийцам и, более того, ко всем девиантам» потрясла основы французского общества, уже потрясенного революцией. Отсюда — предпочтение воспитанию перед наказанием, стремление «судить не по закону, а по совести» и т. д. В результате «мы живем в мире, о котором мечтал Виктор Гюго. Мир свечей, которые отвечают ножам. На слова "Ты не получишь моей ненависти" отвечают "Аллаху акбар". Христианская мечта гениального поэта стала нашим кошмаром» [2]. При чем худшее еще впереди.

Земмур вспоминает, что в школьные годы и родители, и учителя приучали детей к соблюдению норм светской культуры, заставляя снимать еврейский головной убор при выходе из школы: «Школа, как и дом или синагога, была частной; на улице не должно было происходить ни малейшего утверждения религиозной идентичности». Упоминание о том, что «во Франции эмансипация евреев, провозглашенная революцией (и королем Людовиком XVI!), была оформлена Наполеоном после знаменитого заседания Синедриона в 1807 г.», Земмур говорит, что Наполеон «призвал евреев считать других французов "братьями", а Париж — своим новым Иерусалимом». По словам Земмура, «я просто остался верен этому императорскому предписанию» [2]. При этом, называя себя «французом еврейского обряда и католической культуры», он подчеркивает свое дистанцирование от современного христианства, которое в последние десятилетия, после Второго Ватиканского собора, превратилось в «безумную машину для любви к Другому, кем бы он ни был и каковы бы ни были его намерения».

«Франция умирает»

Земмур говорит о глубоком кризисе идентичности, который он ощутил уже в конце 1980-х гг., когда «уже начали шептаться, что во многих пригородных средних школах подростки отказываются изучать "ваш" Холокост, "ваш" крестовый поход, но также и "вашего" Вольтера, "вашего" Флобера, "вашу" Французскую революцию...» [6]. Тогда он понял, что «в этой прекрасной стране Франции что-то не так». Эти процессы лишь усугубились, так что сегодня, по его убеждению, на французской земле на карту поставлено идеологическое противостояние двух различных и традиционно соперничающих цивилизационных систем.

Земмур с большой обеспокоенностью говорит о наступлении тотального нигилизма, отрицающего не только нации и границы, но и роль великих личностей, изображаемых в виде «узурпаторов, которые тиранят социальные массы». Хронология тоже оказывается устаревшей

концепцией — даты ничего не значат. По словам Земмура, «современный историк стремится избавиться от роли историка; он рассматривает историю как иллюзию, которую нужно деконструировать; он мечтает стать антропологом или социологом» [2]. В результате на основе разрушенного исторического нарратива была создана «разрушенная нация» с разнообразными историями — история французов, но не история Франции.

Нынешняя Франция — это «Потёмкинская республика», где «всё сделано из картона» и «всё фальшиво», страна, жители которой больше не знают, куда идут, потому что больше не знают, откуда они пришли, которых учат любить то, что прежде ненавидели, и ненавидеть то, что прежде любили. Все границы упразднены, все есть все, нет больше священного и профанного, частного и общественного, родного и чужого, чистого и нечистого. Нет больше мужчины и женщины. Это общество беспорядка, которое вытеснило общество порядка.

Начало этого процесса Земмур видит в мае 1968 г., который «стал для голлистской республики тем же, чем 1789 г. был для капетинской монархии: великим развенчанием» [2]. Но если 1789 г. был революцией народа против монарха и дворянской и клерикальной аристократии, то май 1968 г. стал революцией общества против народа. Победившее общество поработило государство, привязав его к себе, и дезинтегрировало народ, лишив его национальной памяти посредством декультурации и разрушив его единство посредством иммиграции.

Следующим этапом стал Маастрихтский договор 1992 г., означавший «отказ от национального суверенитета в пользу брюссельского бюрократического монстра», а за ним наступил третий этап — Лиссабонский договор 2007 г. Он воспроизвел основные положения проваленного за два года до этого французами и голландцами на референдуме проекта Европейской конституции и означал «смерть народного суверенитета». На самом деле, с точки зрения Земмура, это была конституция «Священной американской империи германских народов». Он обращает внимание на то, что во время избирательной кампании по проведению французского референдума тогдашний президент Еврогруппы Жан-Клод Юнкер предупредил с шутливой откровенностью, смешанной с цинизмом: «Если будет "да", мы скажем: так мы продолжаем; если будет "нет", мы скажем: мы продолжим» [6].

Прежде на президентских выборах «французы выбирали своего короля всеобщим голосованием», теперь они выбирают лишь «регионального губернатора», подчиняющегося приказам из Берлина, Брюсселя, Нью-Йорка или даже Пекина, но не из Парижа. Большинство французской элиты сдались, отказавшись не только от доминирования в Европе, но вообще от национального суверенитета и независимости во имя европейского проекта. Но «смерть французской Европы должна была увлечь за собой всю Европу».

Франция приходит к концу: правые предают ее во имя глобализации и «неправильно понятой свободы, которая угнетает слабых и усиливает сильных», а левые — во имя республики и равенства «между

родителями и детьми, которое убивает воспитание; между учителями и учениками, которое убивает школу; равенство между французами и иностранцами, которое убивает нацию» [2]. Правые отказались от государства во имя либерализма; левые отказались от нации во имя универсализма.

В представлении Земмура нынешний этап в истории Франции — это сочетание экономического «мая 1940 г.» и подготовки религиозной войны, перемежающейся периодическими протестами против государства, которое высмеивают, презирают и очерняют, но по которому в наших сердцах сохраняется болезненная ностальгия по его былому величию. Земмур отмечает, что «именно в пылающем огне Религиозных войн XVI в. наша интеллектуальная и политическая элита выковала принципы суверенитета, чтобы навязать умиротворяющий закон государства религиозным догмам, заливавшим страну кровью; наш Левиафан был украшен великолепием абсолютной монархии династии Бурбонов; Франция навязала эту модель всей Европе Вестфальским договором 1648 г. Именно это тысячелетнее наследие мы выбросили за сорок лет. Мы упразднили границы; мы отказались от суверенитета; наши политические элиты запретили Европе ссылаться на свои "христианские корни". Это тройное отступничество разрушило тысячелетний договор Франции с ее Историей; это добровольное лишение, это преднамеренное самоубийство возвращает бури, которые мы когда-то предотвратили, великие вторжения и религиозные войны» [5].

В нынешних условиях, когда государство — «лишь пустая оболочка», нужен Кольбер или Помпиду, чтобы утраченная индустрия восстала из пепла, и нужен Ришелье, неустанно борющийся против "государства в государстве" и "иностранцев", чтобы разрушить исламские Ла Рошели, которые строятся по всей стране. Но вместо этого «арабские принцы Персидского залива заменили герцога Бекингема, и мы принимаем их с распростертыми объятиями и сияющими глазами, как очарованная Анна Австрийская» [5]. Увы, Миттеран был последним отцом нации. Земмур вспоминает его слова: «После меня больше не будет великих президентов», отмечая, что это была констатация факта без всякого притворства. «Ширак уже был лишь сочувствующим старшим братом» [5].

«Идеология глобализации, антирасистская и мультикультуралистская, в XXI в. станет тем, чем был национализм в XIX в. и тоталитаризм в XX в., — мессианским прогрессивизмом, который способствует войне; мы перенесем войну между нациями на войну внутри наций. Это будет союз "мягкой торговли" и гражданской войны» [5]. Но он совершенно невыгоден Франции.

Прежний универсализм, европейская и глобальная открытость французской элиты, которые позволили Франции распространить своих солдат и свои идеи, когда она была «Китаем Европы», теперь, когда она составляет всего 1 % населения мира, оборачивается против нее. «В мире 1900 г., где европейское население в четыре раза превышало африканское, универсализм был завоеванием и колонизацией Африки Ев-

ропой во имя цивилизации. В мире 2100 г., где население Африки будет в четыре раза превышать население Европы, универсализм будет (уже является) завоеванием и колонизацией Европы Африкой во имя прав человека», — отмечает Земмур [2].

Особенно его беспокоит исламизация, поскольку он считает ее принципиально несовместимой с европейской либеральной и демократической традицией: «Ислам — это своего рода коммунизм с Богом», — утверждает Земмур. Это эгалитарная система — по крайней мере, среди мужчин-мусульман, — которая управляет, защищает, контролирует и наблюдает за повседневной жизнью народа. В этом и заключается, по его мнению, весь вопрос примирения между исламом как религией, которая требует подчинения божественному порядку и хочет быть одновременно гражданским кодексом и образом жизни, и демократией в западном понимании, которая предполагает рациональных граждан, свободных от любых догм, даже если они остаются привязанными к вере.

Германия — «наследственный враг»

Ностальгически вспоминая о высоких амбициях Франции по установлению «римского мира» в Европе, Земмур констатирует, что современные французы больше не хотят этого знать или стыдятся этого, отождествляя себя с «маленькой галльской деревней, которая все еще сопротивляется захватчику». Но для Земмура по-прежнему актуален тысячелетний западный вопрос, поставленный после Верденского раздела империи Карла Великого в 843 г.: «Кто из трех внуков и сыновей их сыновей восстановит единство империи, коронует императора Запада?»

Европейскую историю XIX в. он представляет как медленный, но непреодолимый процесс принятия Германией «факела объединения европейского континента из ослабевших рук Франции, потерпевшей поражение при Ватерлоо». Подражая Франции, которой немцы восхищались и которую ненавидели во всех отношениях, Берлин тоже в конечном итоге стремился стать новым Римом.

Напоминая, что вопрос о европейском федерализме поднимался с самого начала строительства Европы, Земмур подчеркивает: «Его отвергли генерал де Голль, Маргарет Тэтчер. Он был отвергнут французским и голландским народом на референдумах 2005 г. Европа не является нацией. Нет солидарности между немцами и греками, между французами и испанцами, между голландцами и поляками. "Европа — это только географическая реальность", — говорил Бисмарк, когда объединял Германию» [4]. Европа — прежде всего поле борьбы за господство.

Когда генерал де Голль говорил о франко-германской паре, которую он образовал с канцлером Аденауэром, он насмешливо отметил: «ФРГ — это лошадь, а Франция — жокей». Теперь роли поменялись местами, и по всем вопросам Франция подчинилась диктату Германии,

оцепенев от исторической ответственности стать нарушителем примирения с наследственным врагом. Историческое сочетание объединения Германии, расширения ЕС и единой валюты позволило Германии превратить весь континент в огромную платформу для своей меркантилистской модели. Земмур видит основу «фундаментального конфликта между Францией и Германией» в противоречии между свободой торговли и протекционизмом. По его словам, «это всегда одна и та же ссора, от Наполеона до де Голля: в то время как Германия позиционирует себя как огромный Ганзейский союз, французы «все еще испытывают неосознанное искушение поставить в Гамбурге солдат Даву» [4], наполеоновского маршала, который первым вошел в Берлин.

Если Франсуа Миттеран думал, вводя евро, что он «привязывает Германию к Европе», на самом деле оказалось, что он привязал Европу к Германии, которая использовала единую валюту для уничтожения конкуренции французской и итальянской промышленности, лишенной «денежной защиты» перед лицом немецкой машины. Зато когда в 2007 г. Франция хотела создать свою экономико-стратегическую модель «аутсорсинга» в виде Союза Средиземноморья, в котором страны Магриба должны были играть для Франции ту же роль, что Центральная и Восточная Европа — для Германии, Берлин отверг любую структуру, созданную вне институтов ЕС.

В итоге Франция сохранила видимость суверенитета, получая удовольствие от разрушения формы своего бывшего величия; Германия каждый день заново открывает для себя его реальность, при этом подчинив Европу. И пока французская дипломатия рассуждает о возникновении многополярного мира, Германия спокойно реализует эту концепцию на практике. «Германию интересует только ее место в глобализации, среди великих завтрашних стран — Китая, Индии, России, Бразилии. Кто платит, тот и командует — таков ее девиз» [4]. Поэтому единственное основание для французского оптимизма — начало конца глобализации.

В прошлом Германия нуждалась во Франции, чтобы стать «презентабельной» и восстановить свои позиции в Европе, а Франция потянулась к своему бывшему «наследственному врагу», чтобы сделать его своим «архимедовым рычагом», но теперь Германии больше не нужна Франция, чтобы быть респектабельной, а рычаг Архимеда больше не работает или работает против французов. Расхождения интересов стали более многочисленными, чем сближения, так что знаменитая «франко-немецкая пара» больше, чем когда-либо, является мифом.

Земмур отмечает, что Франции не принесло никаких дивидендов сближение с Германией во время второй войны в Ираке в 2003 г.: французы оказались тогда в меньшинстве в новой, расширявшейся Европе, и Франция не смогла предотвратить все эти расширения Союза, которые уводили его все дальше от естественной для нее «галло-римской» сферы влияния. В итоге, по его образному сравнению, «континентальная блокада» разрушалась под ударами всеобщей свободной торговли «глобализации» [6].

Также Земмур говорит об опасности оттеснения Франции на второй план «союзом между немцами и русскими», который был создан канцлером Шрёдером, согласившимся построить газопровод по дну Балтийского моря, чтобы связать две страны напрямую и избежать пересечения Украины, Польши и стран Балтии. Это напоминает Земмuru «конец XIX века, когда цари, сами германского происхождения, подчинили бурно развивающуюся российскую экономику модернизирующей власти немцев» — при том, что обе страны «когда-то мечтали объединить континент ради собственной выгоды» [6].

«Спустя столетие после начала Первой мировой войны мы ратифицируем план немецких правителей, задуманный Вильгельмом II, который уже предусматривал объединение континента вокруг германского гегемона», — пишет Земмур [4]. Чтобы избежать этой роковой участи, Франции придется избавиться от евро, подтолкнуть свои последние национальные компании к созданию внеевропейских альянсов, чтобы противостоять германской державе и заново соткать ткань своего государственного капитализма.

Зачем меняться ради перемен?

Земмур — классический консерватор. Он отвергает «прогресс», требующий от закона вновь и вновь приспособляться к желаниям и прихотям наших современников. Вместо того чтобы «меняться ради перемен», почему бы не похвалить консерватизм? — вопрошает Земмур, обращаясь тут же к словам британского премьер-министра XIX в. Дизраэли: «Я консервативен, потому что сохраняю то, что хорошо, и меняю то, что плохо». Исходя из этой установки Земмур задает риторические вопросы: зачем разрушать то, что хорошо, в угоду лобби и интересам? Зачем отказываться от уважения к достоинству человеческой личности, неприкосновенности и целостности человеческого тела? Зачем разрешать суррогатных матерей, если видные феминистки сами осуждают коммерциализацию женского тела? Зачем открывать доступ к деторождению с медицинской помощью для семейных пар и одиноких людей, как будто рождение ребенка стало последним индивидуальным правом в обществе потребления? Нас призывают подражать Англии, Испании или Бельгии. Но зачем всегда копировать других? Почему бы не быть уверенным в нашем национальном гении?

Поэтому Земмур — убежденный антифеминист. Он прямо говорит о том, что «нет никакого заговора мужчины с целью навязать женщине свою гегемонию — есть лишь основные потребности в ситуациях большой опасности, войны, голода, угрозы хищников, которые могут быть удовлетворены только защитным и спасительным неравенством, как для мужчин, так и для женщин» [4]. Он даже согласен с коммунистами, которые еще в 1960-е гг. «инстинктивно понимали, что феминизм будет полезным идиотом капитализма», и они не ошиблись, осудив во время публикации «Второго пола» Симоны де Бовуар ее «буржуазность» и сам феминизм как «диверсию капитализма для раскола рабочего класса».

Земмур доказывает, что развод по взаимному согласию — это миф, как и безболезненный развод для детей, которые беспомощно и пораженно наблюдают, как разрывается союз, приведший их в этот мир. Именно женщины — в 80 % случаев — являются инициаторами процедуры развода, но при этом нет никакой уверенности в том, что сегодня мужчины более невыносимы, чем в прошлом. Таким образом, изменились взгляды и критерии женщин. Но они же стали и первыми жертвами феминизма: семьи с одним родителем (в основном это матери) составляют основную часть контингента, пострадавшего от новой бедности, возникшей в 1980-х гг. Особенно сильно страдают дети в распавшихся семьях, так что даже конфликтующие семейные пары представляются им «прибежищем мира и комфорта».

Происходящая, как отмечает Эрик Земмур в своей книге «Первый пол», феминизация мужчин и общества охватывает весь политический спектр и ведет к тому, что «мужчина должен стать женщиной». По его словам, «феминистская мечта заменила коммунистическую мечту» [4]. Так, организуются семинары по «женскому менеджменту», чтобы обучить мужчин и женщин новым методам, вошедшим в моду. Мужчины, которых хорошо тренируют, уже играют в женщин без всяких комплексов. Некоторые жалуются, что корпоративная жизнь теперь загромождена этими новыми менеджерами, которые не смеют приказывать, руководить, навязывать, отказывать или применять санкции, даже когда это необходимо.

Земмур обращает внимание на то, что на протяжении веков томная мягкость округлого женского тела была неоспоримым стандартом, теперь же благодаря женской прессе произошло «обнажение андрогинных красавиц на глянцево-бумаге». Женская пресса также учит женщин любить ухоженных, восковых, мягких мужчин. Так со временем женщины стали заложницами гомосексуалистов, связав свою судьбу с судьбой своих врагов. По словам Земмура, «вся идеологическая работа феминисток и гомосексуальных активистов заключалась в "денатурализации" различий между полами, в демонстрации исключительно культурного, а значит, искусственного характера традиционно мужских и женских атрибутов» [4].

Отмечая, что лишь немногие мужчины, которых называют «мачо», выстраивают эффективную защиту против феминизации своей профессии, Земмур видит в них «островки мужественности в феминизированном мире». Он призывает мужчин вернуть себе свою идентичность, чтобы они больше никогда не могли сказать своим детям: «Ты будешь женщиной, сын мой».

В попытке объяснения феминизации Земмур формулирует своеобразный «женский парадокс»: «Они водят машину, когда действуют ограничения скорости; они курят, когда табак убивает; они добиваются паритета, когда политика уже бесполезна; они голосуют за левых, когда революция закончилась; они становятся аргументом литературного маркетинга, когда литература умирает; они открывают для себя футбол, когда магия детства превратилась в денежный ящик» [3].

Отмечая этот парадокс, он выводит из него «женское проклятие, которое является обратной стороной благословения»: женщины не разрушают, а защищают, не создают, а поддерживают, не изобретают, а сохраняют, не преступают, а цивилизуют, не правят, а возрождают. «Феминизируя себя, мужчины стерилизуют себя, они запрещают себе любую смелость, любую инновацию, любой проступок. Они довольствуются тем, что сохраняют. Интеллектуальную и экономическую стагнацию Европы обычно объясняют старением населения. Но Сервантес написал "Дон Кихота" в 75 лет, де Голль вернулся к власти в 68, а канцлер Германии Аденауэр — в 60 с лишним» [5]. Подлинная причина стагнации Европы, таким образом, согласно Земмуру, заключается не в старении, а в феминизации.

Феминизацию политики он объясняет тем, что «власть уже не там, где была. Сейчас она находится в финансовой сфере и верхних эшелонах промышленности. Там, где нет женщин». Политике необходимо возратить ее маскулинную сущность, которую Земмур видит в двух началах: в Эросе — возбуждении желания избирателей и союзников, и в Танатосе — убийстве соперника. Политики излучают такую жизненную энергию, чтобы соблазнить избирателей, что становятся машинами желания. В политических битвах всегда побеждает доминирующий самец, король леса, кайман, с помощью жестокости раскрывающий слабость своих соперниц, их бессознательную женственность, превращая их в любовниц, умоляющих его о благосклонности.

В книге «Первый пол» Земмур отмечал, что власть остается исключительным афродизиаксом. Он утверждает, что Жискара д'Эстен, Миттеран и Ширак «вернулись к практике наших бывших королей»: «водитель Франсуа Миттерана вспоминает, что с мая 1981 г. каждый вечер в Елисейский дворец приходила другая женщина. Он видел, как мужья буквально "предлагали" своих жен монарху. Водитель Жака Ширака рассказывает нам ту же историю, даже когда последний был еще только мэром Парижа» [3]. Такое поведение представляется совершенно естественным: Земмур прямо сравнивает обладание женщиной с обладанием хорошим спортивным автомобилем — то и другое должно доказать другим мужчинам, что они успешны.

В четверг 23 сентября 2021 г. Paris Match выпустил в продажу свой еженедельный номер с фотографией Эрика Земмура на обложке, купающегося в море вместе с 28-летней Сарой Кнафо, являющейся его советником и присутствующей во всех его нынешних поездках. Окончив ЕНА в 2017 г., Сара Кнафо имела возможность выбрать местом работы государственный орган, и ее выбор пал на Счетную палату. В начале сентября она взяла отпуск, чтобы полностью посвятить себя работе с Земмуром. Ограничиваются ли их отношения политическими советами? Согласно Voici, они живут в «идиллии», несмотря на то, что Эрик Земмур женат уже почти сорок лет. Это типично французская интрига, придавшая дополнительный колорит его кампании.

Украинский фактор

«Мой лагерь – РПП (Объединение в поддержку республики, 1976 – 2002. – М. Ш.), то есть голлизм. "Республиканцы" больше не РПП, они продались центристам», – заявлял Эрик Земмур [1]. Его молниеносный взлет был основан на чаяниях не имевшего явного лидера правого электората, часть которого на фоне кризиса лидерства в партии «Республиканцы» переметнулась ранее к Марин Ле Пен. Столкнувшись с феноменом Земмура, пытающегося по сути «воскресить Шарля Моррасса» в XXI в., Марин Ле Пен, которая до этого намеревалась расширить свою электоральную базу за счет либерально-консервативной буржуазии, теперь вынуждена защищать свой «заповедник», поскольку Земмур распространяет опасные для нее утверждения о том, что она «не может победить». Не случайно кампания с плакатами «Земмур – президент» стартовала фактически сразу после удара, нанесенного Национальному объединению на региональных выборах.

В феврале 2022 г. важным новым фактором избирательной кампании стал украинский вопрос, вскоре занявший первое место в списке проблем, волнующих французов. Практически все кандидаты, включая Марин Ле Пен, так или иначе обозначили проукраинскую позицию. Исключение на этом фоне составил лишь Эрик Земмур, книга которого «Французское самоубийство» (2014) будто бы стояла на прикроватном столике бывшего посла России во Франции Александра Орлова, увидевшего в ней «правду сегодняшней Франции». Ранее (в сентябре 2020 г.) Земмур писал в Twitter, что Россия – «самый надежный союзник, даже более надежный, чем США, Германия или Великобритания».

Даже на волне общеевропейского всплеска русофобии он не стал отречься от своих геополитических представлений о России как о необходимом союзнике Франции. Заявив об осуждении российской «агрессии», он возложил ответственность за случившееся не столько на Россию, сколько на НАТО. Ссылаясь на «французскую традицию диалога с Россией» и стремясь, по его словам, «что-то дать» Владимиру Путину (которого он отказался назвать «диктатором»), он выступил против санкций в отношении России и поставок оружия Украине, предложил выйти из единого командования НАТО и подписать договор, исключающий любое вступление Украины в Североатлантический альянс. Помимо этого он – единственный кандидат, который прямо говорит, что против приема украинских беженцев, кроме украинцев, имеющих связи с Францией или родственников во Франции.

Считается, что такая позиция Земмура навредила ему, приведя к снижению рейтинга на несколько пунктов. Во всяком случае Земмур определенно обеспечил себе поддержку симпатизирующих России французов, которых остается немало даже в условиях массивной антироссийской кампании, развязанной на Западе. В этом смысле в нынешней ситуации альтернативы Земмуру во Франции, да и в целом в Западной Европе, как оказалось, нет.

Список литературы

1. *Chaulet P., Magal M.* Présidentielle 2022: Zemmour est-il trop haut trop tôt? URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/presidentielle-2022-zemmour-est-il-trop-haut-trop-tot_2158842.html (дата обращения: 05.01.2022).
2. *Zemmour E.* Destin français. P., 2018. URL: <https://ru.1lib.sk/book/18346212/54b92f> (дата обращения: 05.01.2022).
3. *Zemmour E.* Le Bûcher des vaniteux. P., 2012. URL: <https://ru.1lib.sk/book/3920888/2c0bc2> (дата обращения: 05.01.2022).
4. *Zemmour E.* Le premier sexe. P., 2006. URL: <https://ru.1lib.sk/book/17303554/c407af> (дата обращения: 05.01.2022).
5. *Zemmour E.* Le Suicide français. P., 2014. URL: <https://ru.1lib.sk/book/4119182/4833b9> (дата обращения: 05.01.2022).
6. *Zemmour E.* Mélancolie Française. P., 2010. URL: <https://ru.1lib.sk/book/4132940/e87d72> (дата обращения: 05.01.2022).

Об авторе

Максимилиан Альбертович Шепелев — д-р полит. наук, проф., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Россия.

E-mail: ma_shepelev@mail.ru

The author

Prof. Maximilian A. Shepelev, Vernadsky Crimean Federal University, Russia.

E-mail: ma_shepelev@mail.ru